

Е. Э. БЕРТЕЛЬС

ПЕРСИДСКИЙ — ДАРИ — ТАДЖИКСКИЙ

История так называемого «новоперсидского» языка считается прочно установленной. Полагают, что он возник приблизительно во время арабского нашествия из языка среднеперсидского, который в свою очередь является потомком языка древнеперсидского. Слов нет, фонетические соответствия между этими тремя языками могут быть установлены с большой точностью. Однако, принимая эту линию развития, мы сталкиваемся с целым рядом исторических фактов, которые ей противоречат и для объяснения которых приходится прибегать к гипотезам, плохо вяжущимся с данными источников. Так, если новоперсидский — потомок среднеперсидского, то нужно было бы предположить, что местные диалекты Ирана, особенно южного и западного, должны представлять собой какие-то формы новоперсидского языка. На деле это не так, и большая часть этих диалектов представляет собой варианты среднеперсидского, а не новоперсидского. Далее, нужно заметить, что теория эта была создана тогда, когда о таджикском языке или вообще не имели никакого представления или же считали его каким-то «испорченным» диалектом персидского. Тогда, конечно, ни один иранист не мог заметить тот необъяснимый старой теорией факт, что именно таджикские-то диалекты совершенно явно по своему строю подходят к новоперсидскому и не содержат в себе ни элементов согдийского, ни характерных для среднеперсидского черт.

Если принять, как это сейчас многими делается, то мнение, что к моменту прихода арабов в Средней Азии господствовал язык согдийский, то как объяснить его полное исчезновение уже в VIII в.? Как объяснить, что никаких следов согдийского субстрата в таджикских говорах не обнаруживается? Как объяснить, что уже в IX в. новоперсидский полностью господствует в Средней Азии и Хоросане, а в Фарсе и западном Иране его в то время еще нет и следов? Ведь, таким образом, мы находим его там, где его, собственно говоря, можно было бы меньше всего ожидать встретить. Предположить, что вместе с арабами в Среднюю Азию продвинулись большие массы эмигрантов из Ирана (где, кстати сказать, этот язык в то время распространения еще получить и не успел), никак нельзя¹. Никаких указаний на такое передвижение в источниках

¹ Такой точки зрения некоторые советские востоковеды продолжают придерживаться и теперь. В статье «Задачи иранской филологии» («Известия Академии Наук СССР, Отд. лит. и языка», т. V, 5, стр. 373 и сл.) А. А. Фрейман пишет: «Персидский язык — первоначально язык одной области Ирана, сделавшись орудием централизации государства, стал распространяться за пределы своей первоначальной родины на север и северо-восток, вытесняя и ассимилируя другие иранские языки. Таким образом, — продолжает он, — этот язык пришел и в Среднюю Азию. Население последней, прежде всего ее городское население, принимая ислам, постепенно воспринимало персидский язык — язык своих соплеменников иранцев, приходивших с арабами в Среднюю Азию». Дальнейшее развитие этой мысли находим на стр. 383: «...таджикский язык, т. н. среднеазиатско-персидский язык, возникший на основе восточных хорасанских говоров персидского языка в устьях согдийского ираноязычного населения Средней Азии». Иначе говоря, здесь таджикский язык признается только деформированным персидским, как это и делали старые западноевропейские иранисты.

нет. Нельзя думать, что сравнительно небольшие группы, которые тогда переселились, смогли оказать глубокое влияние и вызвать даже изменение языка широких масс. Наконец, принято считать, что согдийский язык был до арабов не только языком Самарканда, но и Бухары. Это предположение как будто подтверждается указанием Нершахи, согласно которому в бухарской мечети арабские молитвенные формулы переводились на согдийский язык². Но едва ли это указание можно считать решающим. Макдиси в конце X в. говорит, что «у согдийцев есть свой язык; на него похожи языки бухарских рустаков; они очень различны; их там понимают; я видел славного имама Мухаммеда ибн-Фадля, который много говорил на них»³. В. В. Бартольд заключает из этих слов, что в одной Бухарской области было в конце X в. несколько наречий согдийского языка как языка народных масс. Однако слова эти, как нам кажется, допускают разные толкования. Прежде всего, в этом тексте что-то явно неладно, ибо как понимать хотя бы указание «их там понимают»? Кого их? Языки рустаков, очевидно. Но если это языки рустаков, то как же их могли бы не понимать именно в этих самых рустаках, которым они и принадлежат? Далее, с чем они различны? В. В. Бартольд, видимо, полагал, что они разнятся между собой. А не может ли это означать, что они разнятся от согдийского? Правда, тут же сказано, что они похожи на согдийский. Но можно ли допустить, что согдийский имел много «очень различных» диалектов? Несомненно, что в то время должно было существовать в Средней Азии много различных иранских языков, но едва ли все эти языки были диалектами согдийского. На то обстоятельство, что язык Бухары не был согдийским, указывают два факта, впервые отмеченные О. И. Смирновой: 1) чеканившиеся в Бухаре монеты не пользовались согдийским алфавитом; 2) в то время как титулами правителей Согдианы были *ихшид* и *афшин*, эти титулы в Бухаре применения не имели, и правители ее называли себя *бухархудатами*, позднее *саманхудатами*. Все эти факты показывают, что на территории Средней Азии рядом с согдийским языком существовал и еще какой-то другой язык, еще до арабского нашествия уже в какой-то мере пользовавшийся письменностью.

Изучение раннего периода истории литературы народов Средней Азии также дает ряд фактов, плохо согласующихся с существующей теорией происхождения новоперсидского языка. Едва ли можно усумниться в том, что первый блестящий период развития так называемой персидской литературы целиком связан со Средней Азией. Все древнейшие авторы IX—X вв. или происходят из Средней Азии и Хорасана, или же действуют при дворе бухарских правителей. Именно в этой среде созрели такие гениальные поэты, как Рудаки, Дакики, Шахид Балхи, да и сам Фирдоуси. Если, судя по указаниям «Тарихи Систан», в конце IX в. при дворе Якуба ибн-Лейса и делались попытки перейти в придворной поэзии от арабского языка к языку родному (ибн-Васиф), то, видимо, значительных успехов систанским поэтам того времени добиться не удалось. Вместе с тем во владениях саманидов в поэзии арабский язык в то время безусловно, начинает уступать место языку, который в то время называли *дари*. Нет никакого сомнения в том, что саманиды литературное творчество на этом языке всячески поддерживали. Чем же могло быть вызвано это обстоятельство? В настоящее время едва ли можно сомневаться в том, что саманиды, хотя номинально и признавали свою зависимость от аббасидов и внешне подчеркивали свою лояльность по

² F. Resenberg, *Prace Lingwistyczne*, Краков, 1921, стр. 94.

³ В. В. Бартольд, К вопросу об языках тохарском и согдийском, Сборн. «Иран», т. 1, 1927, стр. 34.

отношению к халифам, но фактически ревниво оберегали свою независимость и поддерживали в дишанской среде шуубитские устремления. Шуубитские настроения в то время в Средней Азии господствовали, и их можно заметить почти у любого автора. Эти-то настроения и требовали перехода к языку дари и создавали для него такую благоприятную почву. Какой же из многочисленных иранских языков составил основу нового литературного языка? Этот язык, который вне всяких сомнений составляет основу последующего новоперсидского, в то время называли или *фарси*, или (гораздо чаще) *дари*. Если Абу-л-Аббас Марвази (809 г.) и говорит о языке своей касыды:

Кас бадин минвол пеш аз ман чунин ше'ре нагуфт,
 Мар забони порсиро х, аст бо ин нав'байн.
 (Никто в таком роде до меня такого стихотворения не складывал,
 У языка парси с таким родом [стихов] разлука),

то в подлинности этих стихов все же пока полной уверенности быть не может, а потому они и не могут считаться достаточно убедительным доказательством применения этого термина в то время.

Фирдоуси, хотя и называет язык своей поэмы *парси*, но, повидимому, этот термин для него был равнозначен термину *дари*. Так, он разъясняет (28, 96), что слово *бевар* на языке дари означает *дах, х, азор* (десять тысяч).

Дари называет свой язык и Насири Хусрау. Он говорит:

Ман онам, ки дар пои хукон нарезам
 Мар ин киймати дурри лафзи дариро.
 (Я — тот, что не мечет к ногам свиной
 Эти драгоценные жемчуга слов дари).

Термин этот продолжал сохраняться и далее, и мы находим его еще и в диване Хафиза:

Зи ше'ри дилкаши Х, офиз касе бувад оғсх,
 Ки лугфи таб'и сухан-гуфтани дари дорад.
 (О чарующих сердце стихах Хафиза осведомлен тот,
 У кого тонкая природа и кто умеет вести речь на дари).

Почему саманидская литература выбрала именно этот язык и им заменила арабский, некоторое время выполнявший в высших кругах обязанности литературного языка? Можно сделать предположение, что саманиды выбрали этот язык оттого, что это их родной язык, язык Ирана, из которого саманиды якобы происходили. Но едва ли такое предположение правильно. Главная задача, стоявшая перед саманидами при перемене литературного языка, состояла в том, чтобы посредством такого изменения подчеркнуть свое единство с широкими массами и заручиться, таким образом, их поддержкой в борьбе за независимость. Литература на арабском языке, понятно, для такой цели была непригодна. Но какой смысл был бы заменить один непонятный массам язык другим, хотя и немножко более понятным, но все же чужим? Помимо такого чисто логического рассуждения, есть в нашем распоряжении и объективный факт, заставляющий думать, что язык дари в X в. широким массам предков теперешних таджиков был понятен. Один из крупнейших знатоков таджикского языка и литературы, известный писатель и ученый С. Айни в своей работе о «Шахнамэ» отмечает, что в живом таджикском языке применяются сотни слов, которые мы находим у Фирдоуси и которые не

только не сохранились в современном персидском языке, но даже редко применяются и теми из современных таджикских писателей, кто стремился усилить «литературность» своего языка⁴. Можно ли допустить предположение, что эти слова вошли в таджикский язык в позднейшее время? Думаю, что это было бы полнейшим абсурдом. Совершенно очевидно, что эти слова входили в состав таджикского языка уже в X в. и в удаленных горных районах сохранились и до наших дней. Если принять во внимание, что эти слова в юго-западном Иране, предполагаемой «родине» новоперсидского языка, не сохранились, придется поневоле задуматься над таким странным явлением.

В то самое время, когда в Средней Азии литература на языке дари распускалась таким пышным цветом, в Иране мы этого не наблюдаем. В государстве бундов в X в. продолжает преобладать арабский язык, а рядом с ним некоторые поэты, как Камаладдин Бундар (ум. около 1010 г.), пытаются использовать в литературе местные говоры. В Хамадане около того же времени местным говором пользуется известный Баба Тахир (ум. в 1019 г.), в то же самое время писавший также и по-арабски. Правда, сохранилось некоторое количество четверостиший Баба Тахира на языке дари, но в подлинности их справедливо сомневался еще В. А. Жуковский.

В прикаспийских областях, в особенности во владениях зияридов, также господствует арабский язык, которым зиярид Кабус ибн-Вушмагир (976—1012) владел с величайшим совершенством. Но рядом с арабским языком и здесь мы видим попытки ввести в ранг литературного языка местные языки. Мы знаем ряд поэтов, писавших на этих языках, как испахбад Хуршед ибн-Абу-л-Касим Мамтири, Барбад Джарида, Ибрахим Муини, уstad Али Пируза, Диварваз Мастамард⁵. Крайне интересен такой факт, засвидетельствованный Якутом⁶.

«Говорил Абу-Хайян, — сказал мне аль-Бадихи: прославил я Кабус ибн-Вушмагира касыдами, ароматы которых распространяются и на восток и на запад, и вдали и вблизи, но не наградил он за них меня ничем, кроме какой-то мелочи. Направился к нему какой-то горец и прославил его пошлой касыдой, лишеной меры, больше напоминавшей сатиру, нежели прославление, и одарил он его так, что обогатил и его самого и потомков его после него. И пожаловался я Ибн-Сасану на это, а он сказал мне: чрезмерная ученость вредит успеху; ученость и успех редко соединяются; усилие — учености, а успех — неучу. И продекларировал он:

Когда судьбы благоприятствуют,
То доставляют слабого к осторожному».

Можно, однако, думать, что причиной успеха горца была не чрезмерная ученость ал-Бадихи, а желание Кабуса поддержать первые попытки использования родного языка в качестве языка литературного. Однако рядом с этим мы видим при дворе Кабуса и поэтов, пишущих на языке дари. Образцы их стихов сохранены у Ауфи⁷. Это Абу-Бакр Мухаммед ибн-Али Хусрави Серакси и Абу-л-Касим Зияд ибн-Мухаммед ал-Камари Джурджани. Стоит отметить, что один из них — уроженец Хорасана. Более того, Ауфи⁸ приписывает стихи на языке дари и самому Кабусу.

⁴ С. Айни, Дар бораи Фирдавси ва Шохрстмаи ӯ, Сталинабад, 1940, стр. 52—53

⁵ E. G. Brown, A Literary History of Persia, I, 115.

⁶ Иршад, VI, 150.

⁷ Лубаб ал-албаб II, 18—90.

⁸ Там же, I, 29—30.

Это как будто противоречит высказанному нами выше предположению. Но припомним, что Кабус в 981 г. был изгнан из своих владений и вынужден искать убежища у саманидов. Он вернулся в свою столицу только в месяце Ша'бана 388 г. (август 988 г.), проведя у саманидов около семнадцати лет. Принимая во внимание его исключительную любовь к литературе, можно с уверенностью полагать, что за эти семнадцать лет он успел основательно ознакомиться с произведениями поэтов саманидского круга. Достижения их должны были убедить его в том, что затмить эту совершеннейшую поэзию стихами на местных языках прикаспийских областей уже не удастся. Это и могло заставить его в последние годы его правления переменить взгляды и начать освоение нового литературного языка.

Наконец, вспомним еще одно интересное указание, а именно следующий рассказ Насири Хусрау⁹. «В Тавризе я встретил поэта по имени Катран. Он писал прекрасные стихи, но персидского языка хорошенько не знал. Он пришел ко мне, принес с собой диваны Манджика и Дакики и попросил разъяснить трудные места. Я разъяснял ему, а он записал эти объяснения». Эти слова Насири Хусрау вызвали у востоковедов полное недоумение. Мы знаем стихи Катрана, знаем его необычайное мастерство. Как можно допустить мысль, что он не знал «хорошенько» того языка, на котором писал такие стихи?¹⁰ Высказывалось даже мнение, что Насири Хусрау здесь что-то напутал. На самом же деле, мне кажется, в свете изложенных фактов замечание Насири Хусрау вполне понятно. Характерно, что Катран принес стихи поэтов саманидского круга, стихи, в которых он, очевидно, не понимал только отдельные места. Понятно, что кое-что ему могло быть непонятно, ибо родным его языком был, вероятно, не дари, а один из местных языков Азербайджана. Писать стихи на этом родном языке для него не имело смысла, так как такие стихи имели бы обращение только в очень узком районе (не нужно забывать, что в то время число местных языков еще было крайне велико, и каждый такой язык имел, конечно, распространение в очень небольшом районе). Поэтому Катран и избирает в качестве литературного языка язык дари, изучив его в известной мере как иностранный и усвоив себе технику бухарских мастеров слова. Такое освоение не могло быть особенно трудным, так как известная близость между этими языками в это время уже должна была возникнуть. Что человек писал стихи не на родном языке, нас удивлять не должно. Писали же среднеазиатские и иранские поэты VIII в. по-арабски, средневековые западноевропейские поэты по-латыни, по-провансальски, наши русские поэты XVIII и даже иногда XIX в. по-французски. Но как бы Катран ни владел литературным языком, все же он мог разговорным языком владеть и не в совершенстве и отдельные, редко встречающиеся слова мог и не знать. Вспомним, что немного позднее Асади Туси составляет свой словарь «Китаби лугати фурс». Материалом для этого словаря послужили почти исключительно стихи поэтов Средней Азии и Хорасана. Сам Асади — хорасанец. Очевидно, что этот словарь должен был помочь читателям, для которых язык Рудаки, Дакики и др. не был родным языком, т. е. разрешить те затруднения, которые в это время вставали не у одного только Катрана, а у многих, кого влекла к себе мощно расцветавшая бухарская поэзия. Асади мог прекрасно справиться с этой задачей, так как он, во-первых, сам был талантливым поэтом, а, во-вторых, язык этот был его родным языком.

⁹ Сафар-намэ, изд. Кавиани 1921/22 г., стр. 8. Мой перевод (Москва, 1933), стр. 37—38.

¹⁰ О мастерстве Катрана см. мою статью «Литература эпохи Низами», «Известия АН СССР, Отд. лит. и языка», вып. 2, 1941, стр. 43.

Итак, наблюдения над среднеазиатской литературой IX—X вв. приводят к тому выводу, что дари (или фарси) становится литературным языком в первую очередь на территории Бухары и саманидских владений, а затем уже постепенно начинает распространяться на запад и на юг. Следовательно, факты говорят о его движении с северо-востока на юго-запад, а не наоборот, как это утверждает старая теория.

С этими же вопросами столкнулся в своей книге по стилистике персидского языка иранский поэт и ученый Мухаммед Таги Бехар¹¹. Мнение его может представить для нас интерес, так как мы никоим образом не могли бы заподозрить этого автора в чрезмерном пристрастии к Средней Азии и ее народам. Бехар, прежде всего, пытается установить, что понимают арабские и персидские источники под термином язык дари. Он начинает свои выписки с известного словаря «Бурхани Кати», где мы находим следующее разъяснение. «Говорят, что это (т. е. дари.— Е. Б.) — язык жителей нескольких городов, а именно Балха, Бухары, Бадахшана и Мерва (теперешний Мары.— Е. Б.). Некоторые полагают, что на нем говорили люди при дворе Кеянидов. Другие говорят, что со времен Бахмани Исфендиара, когда к его двору приходили люди со (всех) концов мира и не понимали друг друга, Бахман повелел, чтобы ученые создали персидский язык и назвали его дари, т. е. язык, на котором разговаривают при царском дворе. Приказал он, чтобы в государстве говорили на том языке. Относят (это слово) также к (слову) дарра (ущелье), как *кабки дари* (горная куропатка). Может быть, это также по причине благозвучия, ибо лучший из персидских языков — дари».

В этом сообщении главное место занимает фантастическая этимология, лишенная какой бы то ни было цены. Отметим стоит, однако, указание на район распространения дари. Следующее свидетельство уже более интересно. Ибн-Надим со слов ибн-ал-Мукаффа (Фихрист, Каирское издание, стр. 19) говорит: «Язык дари — разговорный язык города Медаина. При дворе шаха (т. е. сасанидов) говорили на этом языке. В нем преобладают диалекты (лугат) Востока и Балха». Далее ибн-Надим сообщает, что языки Ирана состоят из «пахлави, дари, фарси, хузи и суриани. Пахлави относят к Фахла — названию, данному пяти городам (областям?): Исфahanу, Рею, Хамадану, Маху Нехавенда и Азербайджану. Дари — язык городов Медаина, и придворные шаха говорили на этом языке. Относится он к людям двора, и диалекты жителей Хорасана, Востока и диалект жителей Балха в этом языке преобладают. Фарси — язык, на котором говорят мобеда, ученые и им подобные, это язык жителей Фарса. Хузи — язык, на котором цари и вельможи разговаривают в личных покоях или местах игр и удовольствий с недимами и свитой. Суриани — язык, на котором говорят жители Савада».

Почти в тех же словах эти данные повторяются и у Якута. Крайне интересна такая цитата из Джахиза (Китаб ал-беян уа-т-табйин, III, 6): «И узнали мы, что самые красноречивые из людей — персы (ал-фурс), а самые красноречивые из персов — жители Фарса и они самые сладостные по речи и наиболее легкие по артикуляции и наиболее красивые по последованию, а наиболее сдавленные — жители Мерва, а самые красноречивые на персидском-дари и на языке пахлави — жители касаб Ахваза». Этот отрывок явно испорчен, ибо уже то, что он приписывает жителям Ахваза двуязычие, — совершенно невероятно. Бехар думает, что переписчики здесь изменили порядок слов и что читать нужно так: «а самые красноречивые из них на персидском-дари — жители Мерва, а на языке пахлави — жители касаб Ахваза». Если принять эту весьма

¹¹ Сабкшинаси я тарихи тетаввурӣ насри фарси, Тегеран, 1942.

правдоподобную поправку, то сведения Джахиза совпадут с данными ибн-ал Мукаффа.

Добавлю сюда еще и пропущенную Бехаром справку ал-Истахри¹²: «а язык Бухары — язык согдийский, но только кое-что там произносят иначе. И язык их — язык дари». Как и все прочие указания, эти слова неясны и противоречивы. Все же кажется, что Истахри хочет указать на дари как на основную живую язык Бухары и на наличие рядом с ним какого-то согдийского диалекта.

Бехар из всех этих данных делает такой вывод (стр. 22). Язык дари, по его мнению, «говор, присущий жителям Хорасана, Мавераннахра, Нимруза и Забулистана». Запад, центр, север и юго-запад Ирана в то время продолжали держаться своих старых местных языков, что вполне подтверждается и данными истории литературы. Мы видим, что стихи и проза на языке дари естественно появились в Средней Азии и прилегающих частях Хорасана и при небольшой поддержке со стороны местных правителей поэты и дебриры начали писать стихи и прозаические произведения на дари. В то же самое время на западе, севере и юго-западе в IV в. (X в.) не возникло ни одного бейта стихов, ни одного рисалэ на этом языке. Если и были известные стихи или книги и о них упоминается, то они или на пахлави, или на табари (ср. Бехар, стр. 23).

В связи с этими замечаниями поднимается и еще один интересный вопрос. Мы видели, что ибн-Надим и другие авторы связывают дари с сасанидским двором и признают его придворным разговорным языком. Бехар занялся подбором старых персидских цитат у арабских авторов. Цитаты эти дают весьма любопытную картину. Так, Джахиз (Китаб ал-Махасин уа-л-аддад, Каирское издание, стр. 128) говорит, что скрепа (тавки') Абдаллаха ибн-Тахира была такова: ман са'а ра'а уа ман лазима-л-менама ра'а-л-ахлама (кто бежит, тот пасет, а кто постоянно спит, видит пустые сны). Эта скрепа, по словам Джахиза, взята из скреп сасанида Ануширвана, у которого она гласила: арки равад, чарад, ва харки хуспад, хваб бинад. Табари (III, 65) со слов Исма'ил ибн-Амира приводит такое обращение: «ё ахли Хуросон, мардумони хонабиёбон ҳастед бар хезед» (о, жители Хорасана, ваш дом — степь, поднимайтесь!).

Особенно интересен такой рассказ ибн-Кутейбы¹³. Вахраз-Сувар сражался в Йемене с абиссинцами. У витязей было в то время обыкновенно писать на своих стрелах имя шаха или имя самого владельца стрелы, его сына или его жены. Вахраз потребовал, чтобы гулам подал ему стрелу. На поданной стреле оказалось имя его жены. Он счел женское имя дурным предзнаменованием (фоли бад) и потребовал другую стрелу. На другой опять оказалось имя его жены. Тогда Вахраз понял это как добрый знак, ибо понял свое гадание следующим образом: занон (женщины, мн. ч.)-зан он (убей его!). Бехар справедливо отмечает, что это гадание на пахлави было бы невозможно, ибо *гин* и *ожан* в пахлави не образуют омонима.

Наконец, заслуживает внимания и такое обстоятельство. До настоящего времени в Хорасане, таджикских районах Афганистана, ряде районов Узбекистана и Таджикистана, за исключением тех областей, где сохранились памирские языки и остатки согдийского (ягнобский), все местные таджикские говоры содержат в себе в большом изобилии элементы дари и могут быть с ними связаны. Напротив, в центральных областях, на западе и юге Ирана, там, где не распространены тюркские языки, господствует курдский, лурский или различные формы северного и

¹² ВГА, I, 314.

¹³ Уйун ал-ахбар, Каир, 149.

южного пахлави, преобладающие в диалектах Исфахана, Фарса, Нехавенда и других городов. Характерно, что в ряде диалектов Ирана мы находим архаичную эргативную конструкцию глагола, тогда как эта конструкция на среднеазиатской почве встречается только в памирских языках.

Таким образом, едва ли есть надобность предполагать какие-либо значительные миграции иранских языков в ареале их распространения. Можно с довольно большой уверенностью, напротив, утверждать, что языки эти и поныне распространены приблизительно в тех же местах, где они имели распространение тысячу лет назад. Характерно, что ягнобский удержался именно там, где он зафиксирован источниками VIII—IX вв., только ареал его сузился. Если ягнобский сохранился на своем прежнем месте, то нет основания предполагать, что дари в тех районах, где он является живым языком масс, появился недавно. Движение его в Иран объясняется исторической обстановкой и тем фактом, что в Средней Азии он стал литературным языком уже с IX в.

Конечно, можно возразить, что мы наблюдаем вытеснение некоторых памирских языков и языка ягнобского таджикским, особенно усилившееся за последнее время. Но можно ли думать, что это явление — продолжение процесса, начавшегося уже в IX в.? Думаю, что на этот вопрос положительно можно ответить лишь с весьма значительными оговорками. Коллизия языка дари с языками памирскими, конечно, явление не новое. Столкновение это должно было начаться с того самого момента, когда дари стал языком литературы. Необходимым условием для такого вытеснения было, однако, распространение грамотности. Понятно, что языки эти исчезают там, куда грамотность проникала легче, и сохраняются в труднодоступных, изолированных природными условиями районах. Понягну, что после Великой Октябрьской социалистической революции процесс этот должен был резко ускориться. Возникновение Таджикской ССР, признание таджикского языка государственным, создание удобных путей сообщения там, где раньше были лишь горные тропы и, наконец, громаднейшее школьное строительство, всеобщее обязательное обучение и полная ликвидация неграмотности, — все это ведет к расширению территории таджикского языка как языка литературного.

У того же ибн-Кутейбы (IV, 91) есть рассказ со слов Али-ибн-Хишама о том, что в Мерве жил сказочник, умевший рассказывать необычайно трогательные истории. Когда его слушатели начинали плакать, он брался за тамбур и восклицал: «або ин тимор бояд андаке шоди» (при такой грусти нужно и немножко радости!).

Таким образом, все эти цитаты подтверждают, что дари появился не после арабского нашествия, а существовал за несколько веков до него. Как дари проник в среду сасанидской знати, пока сказать трудно. Бехар (стр. 24) высказывает предположение, что при поздних сасанидах этот язык мог притти с востока вместе с дружиной Фаррух Хурмуза, отца Рустама, состоявшей из хорасанцев. Дружина эта, судя по Табари, оказала длительное влияние на Ктесифон.

Наконец, Бехар ссылается еще и на язык манихейских фрагментов из Турфана, дающий, по его мнению, формы архаичного дари, а не пахлави.

Если принять все эти положения, то дальнейшее движение дари рисуется следующим образом. С падением саманидов центром литературной жизни стало государство газневидов. Хотя при Махмуде и были попытки вернуться в придворных канцеляриях к арабскому языку, но эти попытки не дали прочных результатов. Что же касается литературы при его дворе, то она представляет собой прямое продолжение того движения, которое началось в саманидской Бухаре. Крупнейшие поэты Махмуда — Унсури, Фаррухи, Минучихри, — как это доказывает анализ их

диванов, были прекрасно знакомы с творениями Рудаки, Дакики и, конечно, Фирдоуси. Они сознательно стремились развивать далее заложенные в саманидской Бухаре основания. Таким образом, к началу XI в. разработка дари как литературного языка расширяется еще более. Это и понятно, ведь большая часть поэтов Махмуда связана с районами Балха, Газны, отчасти Систаном, т. е. как раз теми областями, где, как мы видели, дари господствовал. Иначе говоря, Унсури так же, как и Рудаки, в качестве литературного языка разрабатывал свой родной язык, почему и смог добиться таких значительных успехов.

Падение газневидов открывает дорогу сельджукам. Сельджукские правители, как известно, во многих отношениях следовали примеру газневидов и, конечно, сохранили в качестве литературного языка канцелярий тот же самый язык, который был принят и их предшественниками. Точно так же и их поэты в своей деятельности в первую очередь ориентируются на своих газневидских предшественников и стараются затмить своим мастерством именно их. Крайне характерно, что среди поэтов сельджукского периода все наиболее крупные, как Му'иззи, Анвари и др., — уроженцы Средней Азии или Хорасана, т. е. опять-таки и здесь наилучших результатов достигают те, кто в качестве литературного языка использует родной язык. Очень интересны в этом отношении данные старейшего из дошедших до нас тезкире — «Лубаб ал-албаб» Садидаддин Мухаммеда Ауфи. Перечисляя поэтов сельджукской эпохи, Ауфи делит их на две группы: поэты до Санджара и поэты после него. В пределах каждой группы он различает четыре раздела по географическому признаку: 1) Хорасан, 2) Мавераннахр, 3) Ирак, 4) Газни и Лахор. Он называет всего 106 имен поэтов времени, которые распределяются так: а) до Санджара: 1) Хорасан — 22; 2) Мавераннахр — 7; 3) Ирак — 10; 4) Газни и Лахор — 13; б) после Санджара: 1) Хорасан — 23; 2) Мавераннахр — 16; 3) Ирак — 6; 4) Газни и Лахор — 9. Так как для Газни и Лахора мы тоже имеем право считать дари языком местным, то результат получается очень характерный: из 106 поэтов 90 относятся к тем районам, где дари были родным языком (т. е. 84,9%), в то время как на Ирак падает всего только 16 имен (т. е. 15,1%). Как нам кажется, эти цифры блестяще подтверждают то положение, что вплоть до самого монгольского нашествия литература на языке дари развивалась преимущественно в северо-восточных областях и на территорию теперешнего Ирана проникала медленно. Едва ли такое явление было бы возможно, если бы дари был языком чужим для этих районов и родным для юго-западного Ирана.

К сожалению, до настоящего времени таджикские диалекты изучены еще далеко не достаточно, а иранские говоры не изучены почти совсем. Описания отдельных таджикских диалектов, правда, уже сделаны, но не опубликовано из них почти ничего. Такое положение надо признать нетерпимым. Медлить здесь нельзя, ибо в настоящее время диалекты эти исчезают с большой быстротой и очень скоро эту работу уже вообще нельзя будет выполнить. Но даже и знакомство с теми материалами, которые в настоящее время доступны, говорит о том, что в таджикских диалектах пока никакого согдийского субстрата обнаружить не удастся, да вряд ли когда-нибудь и удастся. Сопоставления таджикских диалектов с теми материалами, которые у нас имеются по диалектам Хорасана, показывает, что обе эти группы очень тесно связаны. Иначе говоря, та общность, которую мы предполагаем для IX—X вв., в какой-то степени сохранилась и до наших дней. Так, например, личное местоимение 3 л. ед. ч. и в Хорасане чаще слышится в форме «вай», как это характерно для таджикских диалектов и вполне обычно и для дари X—XI вв.

Делать сейчас какие-нибудь далеко идущие выводы о взаимоотношении этих двух групп пока еще рано. Для этого требовалось бы предва-

рительно систематическое обследование всех диалектов бывшего Хорасана, включая такие центры, как Балх, Герат и Газни. К сожалению, никаких мероприятий в этом отношении, насколько мне известно, не проводится.

Не менее важно обследование всех наиболее старых текстов, происходящих из этих районов. Систематическое исследование языка таких авторов, как Бал'ами, Авиценна (его Дониш-нома), Ансари (его «Разряды суфиев» на гератском языке), пока никем не предпринято. Задача это нелегкая, ибо когда мы имеем дело с прозой, полагаться можно только на самые старые и надежные списки, пока насчитываемые единично. Бехар в своей книге привел примеры того, что делали переписчики прозаических произведений, беспощадно их модернизовавшие, нисколько не считаясь с оригиналами. Приведу хотя бы небольшой образец. В Тегеране имеется довольно старая рукопись известного переложения хроники Табари, сделанного саманидским вазиром Бал'ами. Эта рукопись начало книги дает в следующем виде:

«Ин тарих-номае бузургаст, гирдовардаи Аби-Джа'фар Мухаммад ибни Джарир Язид ат-Таба'и, рах, имах, у-ллах, у, ки малики Хуросон Абу Солех, Мансур ибни Нух фармон под дастури х, шро Абу-Али Мухаммад ибни Мухаммад ал-Бал'амиро, ки он тарих-номаро ки азони писари Джарираст порси гардон, харчи некутар, чунонки андар вай нуқсон наофтад».

(Перевод: Это — великая хроника, составленная Абу-Джа'фар Мухаммед ибн-Джарир Язидом ат-Табари, да помилует его аллах, о которой мелик Хорасана Абу-Салих Мансур ибн-Нух дал приказ дестуру своему Абу-Али Мухаммед ибн-Мухаммеду [Бал'ами], что: эту хронику, что сына Джарира, на персидский оберни, как можно лучше, так, чтобы ущерба в нее не прокралось).

Этот же самый текст в обычно встречающихся более поздних рукописях принимает уже такой вид:

«Ин тарихаст му'табар ки Абу-Джа'фар Мухаммад ибни Джарир Язид Табари фароҳам намуд ва Абу-Солех Мансур ибни-Нух, Абу-Али Мухаммад ибн Мухаммад Бал'ами вазири худро фармон дод, ки дар забони порси ба *камоли саломат тарджума* созад ба *нав'е* ки дар *асли матолиб нуқсон* роҳ наёбад».

(Перевод: Это история достоверная, которую Абу-Джа'фар Мухаммед ибн-Джарир Язид Табари собрал, а Абу-Салих Мансур ибн-Нух Абу-Али Мухаммед ибн-Мухаммеду Бал'ами, вазиру своему, приказ дал, чтобы он перевел ее на персидский язык с величайшей сохранностью, таким образом, чтобы в основные статьи ущерб пути не нашел).

Смысл обоих этих отрывков совпадает почти совершенно, но разница в формулировке настолько велика, что, в сущности говоря, даже трудно признать идентичность этих двух текстов. Не говоря уже о замене архаичных терминов новыми (дастур-вазир), введении косвенной речи, текст украшен «элегантными» арабскими оборотами, которых в старой рукописи нет и следа. Отсюда ясно, что исследовать язык старых авторов по новым рукописям или, что еще хуже, литографиям — предприятие совершенно безнадежное, которое может привести только к ложным выводам. Необходимо поэтому привести в известность все сохранившиеся древнейшие рукописи текстов на языке дари и опубликовать их, сохраняя все особенности оригинала.

Итак, выводы, к которым приводит рассмотрение всех изложенных выше фактов, таковы: прежде всего приходится заключить, что дари отнюдь не «разговорный язык высших кругов, т. е., по существу новоперсидский литературный язык, который вел свое происхождение из Фарса и, собственно говоря, был для хорасанцев чужим говором»¹⁴. Для

¹⁴ Т. Н. Nöldeke, Das iranische Nationalepos, GJPh, II, 184, прим. 2.

хорасанцев и для жителей Средней Азии он был именно своим родным говором. Я думаю, мы не ошибемся, если признаем дари языком весьма значительной территории, основные контуры которой можно наметить географическими точками: Балх — Бухара — Нишапур (а, может быть, и еще немного южнее). Язык этот в мста расселения таджикского народа ниоткуда не пришел, а был родным языком ближайших предков таджикского народа. Уже Герцфельд¹⁵ писал: «Хорасан в III—IV вв. хиджры, т. е. в IX—X вв. по Р. Х., создал шиитство, новоперсидскую национальность, новоперсидский литературный язык (подчеркнуто мной.— Е. Б.), все сразу и целостно».

Почему же буржуазная наука никак не хочет согласиться с тем, что новоперсидский или, вернее, дари, принадлежит восточным областям Средней Азии, т. е. таджикскому народу? Думаю, по двум причинам. Во-первых, потому что таджикский народ она вообще не замечала, да, кажется, не желает замечать и по днесь. Во-вторых, потому что передача культурной гегемонии южному Ирану позволяет признавать его «главенствующую роль» и поддерживать бредовые идеи иранских фашистов о «Великом Иране», идеи абсурдные до предела, но западных империалистов, понятно, прельщающие. По нашему мнению, не только нельзя отнять язык дари у таджиков, но более того, нужно признать, что именно для территории собственно Ирана этот язык был действительно пришлым и утвердился на ней в качестве литературного языка в результате деятельности сельджуков, насадивших его как через свои канцелярии, так и путем поддержки хорасанских поэтов. Может быть, это звучит парадоксально, но только развитие языков никогда не идет по прямым линиям, как того хотело бы метафизическое мышление.

Далее, сложился дари, очевидно, не после арабского завоевания, а значительно ранее, может быть, уже в VI в. и, следовательно, сосуществовал с пахлави. В этом нет ничего невозможного, ибо социальные круги, в которых действовали эти языки, были различны: пахлави у всех, кто был связан с зороастрийским духовенством, дари — у светских людей. Сосуществовал он, таким образом, и с согдийским. Согдийский, по предположению О. И. Смирновой, вышел из употребления в Средней Азии с арабским нашествием, так как он был литературным языком правителей Согды. С их падением он должен был уступить место языку возвысившейся Бухары, т. е. языку дари. Поскольку они сосуществовали, то понятно, что в таджикских диалектах согдийского субстрата быть не может. Наконец, таджикский язык никак не может рассматриваться как своего рода среднеазиатская «деформация» персидского. Как таджикский, так и персидский, представляют собой дальнейшее видоизменение дари, и теперешнее расхождение их объясняется не различным происхождением, а дальнейшими историческими судьбами их. Не нужно забывать, что до XIV в. разница в литературных языках Ирана и Средней Азии крайне ничтожна. Если небольшие отличия и были, то они не выходили за пределы отдельных лексем. После установления власти сефевидов в Иране культурные связи его со Средней Азией слабнут и начинается то расхождение, которое привело к современному состоянию этих языков. Отсюда понятно, что до XV в. провести грань между литературными таджикской и персидской по языковому признаку невозможно.

¹⁵ Der Islam, XI, 174. В. В. Бартольд в статье «Восточно-иранский вопрос» («Известия Росс. Акад. истории материальной культуры», Л., 1922, стр. 361—384) писал, что относительно происхождения шиитства Герцфельд грубо заблуждался. Если ли нужно говорить, что о «новоперсидской национальности» в X в. не может быть и речи, особенно в Хорасане! Но, как отметил В. В. Бартольд, утверждение о «национальности» смутило самого Герцфельда и в той же самой статье он далее утверждает, что современный литературный язык Ирана происходит от южноперсидского языка сасанидского периода.

Настаивать на этих выводах уже сейчас еще пока трудно. Они, так сказать, пока только сами напрашиваются. Но проходить мимо них тоже нельзя. Они показывают, что считать все вопросы генезиса иранских языков уже разрешенными еще рано, что пока не будет проделана большая работа по исследованию языка старых рукописей и главным образом по исследованию всех живых диалектов Средней Азии, Ирана и Афганистана, мы должны будем признать, что самые основные вопросы пока все еще не разрешены. Отметим, кстати, и то, что, таким образом, работа по тщательному изучению старых рукописей отнюдь не может быть признана неактуальной, а при надлежащей постановке может дать ответ на чрезвычайно острые и злободневные вопросы.